

Соб. коллекция - 1989 - 9 сел - В. 5

«Феномен публицистической песни»

(«СК», 19 августа с. г.)

УНИКАЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ

19 августа в газете «Советская культура» появились «подемические заметки» Юрия Андреева «Феномен публицистической песни». Обратив взор на подзаголовок статьи — «Александр Галич и авторы-афганцы», я догадался: в статье имеет место если не противопоставление, то сопоставление. Очень рискованное. Смелое. Лобовое. Ну, право, никому ведь не придет в голову сравнивать, сопоставлять, искать различия между романсами на стихи Дениса Давыдова и Аполлона Григорьева — и, скажем, песнями Лебедева-Кумача. Или, предположим, всерьез рассуждать о том, кто лучше: Александр Вертинский или Александр Розенбаум. Предпринимались подобного рода попытки — с целями ничуть не литературными — лет пятьдесят назад... Но сегодня... По мнению Андреева, песни Галича «негативны в своих основных посылах. Существует немалый слой публицистических песен, напротив, неколебимо позитивных. Они сложены бойцами-афганцами (...)

Слово, как слышим, сказано. Слово, обязующее к доказательству, точным акцентам, ответственности. Доктор наук, главный редактор академического издания Ю. Андреев не утруждает себя им. Не может в конце концов цитирование подряд строк из «афганского фольклора», затем — из песенки, сочиненной в космосе одним из наших пилотов, научившимся на орбите брать два-три расхожих аккорда, и, наконец, из сатирической баллады Галича — не может, не имеет оснований такой ряд для весьма серьезного вывода («оргывода») впрямую сказать: «Сегодня очевидна абсурдность всеотрицания А. Галичем всего и вся без исключения советского, например того, что именно Советский Союз стал первопроходцем человечества в освоении космоса...»

Второй и главный пункт «объективной, исследовательской работы» Андреева: Галич был «службой двух господ». Двурешником. Он и песенки свои пописывал, и от гонимых за киносценарии и пьесы не отказывался. Андреев — и вновь я усомнившись в позволительности подобного приема в литературоведческой статье — вспоминает о своем споре (скажем прямо: споре) с Галичем на съезде «клубов самодельной песни» в Петушках в мае 1967 года. «Я задал ему (...) вопрос: «В самодельной песне (тогда термином «авторская» мы еще не пользовались — Ю. А.) самое ценное — искренность. Так где же настоящий Галич — в мажорных комсомольских песнях, в сценариях, удаваемых щедрой официальной хвалы, или в этих одновременно сочиняемых лагерных песнях?» Понимаю, что прямота вопроса была неэтичной, но прошлого назад, как говорится, не вернешь. Александр Аркадьевич, очевидно, от этой несветскости на миг растерялся и ответил: «Так жить-то надо...»

Юлий Ним тоже был тогда в Петушках — и он существенно дополняет рассказ Ю. Андреева (см. фильм «Александр Галич. Изгнание»). По его свидетельству, Александр Аркадьевич

был не так уж и растерян после «несветского» вопроса нечаянного собеседника, ответил: «Во-первых, я — профессиональный драматург и ничего другого делать не умею. Во-вторых — в моем столе лежат несколько запрещенных пьес. Ну и если честно говорить, я и в своем официальном творчестве перед Богом ни разу не погрешил».

Когда он был искренен? Когда он был честен? До или после? Мучительный вопрос... А он таковым всегда был. И его «Верные друзья», и его «До свиданья, мама, не горюй!» — они так же нами любимы, как и «Старательский вальсок», и песня про товарищ Парамонову. Ибо искренни...

«Александр Аркадьевич... от этой несветскости... растерялся...»

Несветскость — это в 1967 году.

А как назвать такие воспоминания о таком разговоре, напечатанные в 1989-м? Это не акт покаяния, но что-то совсем иное. Ю. Андрееву должно быть известно, что после 1967-го последовал год 1968-й. И был фестиваль в Новосибирске, и было на нем выступление Галича. Выбор был сделан. Затем последовало расторжение всех договоров, снятие с репертуара всех пьес, с экранов — всех фильмов по сценариям Галича, исключение его из Союза писателей и Союза кинематографистов и даже из Литфонда: инвадид-инфарктник, он был таким образом лишен пособия по временной нетрудоспособности, помощи квалифицированных врачей...

Последовательная, методичная травля. И наконец — вынужденный отъезд. Это — уже когда возникла реальная угроза и спокойствию, и безопасности близких, и собственной жизни...

Неужто всего этого не знает и не помнит Ю. Андреев? Знает и помнит, и отлично. И многое другое знает — и нам напоминает. К примеру, о работе Галича на радио «Свобода». Но, во-первых, об этих страницах биографии поэта никто не умалчивает сегодня. Больше того, надо надеяться, что будут у нас вскоре опубликованы тексты галичевских радиопередач — и каждый сможет проверить достоверность утверждения Ю. Андреева о «профашистской антисоветской ориентации» творчества Галича. В его передачах было много сарказма и гнева, и печали, но всегда — всегда! — была в них огромная сыновья любовь к далекой своей Родине.

Ю. Андреев задает ближе к финалу «еще один вопрос из серии неприличных: с какой целью и ради чего принялись ныне издавать его с весьма выразительными купюрами в тексте? Для чего приглаголивают? Опять-таки не во имя истинной картины...» В пример приводится публикация в еженедельнике «Семья» фрагментов поэмы Галича «Кадеш». Я как член редколлегии «Семьи» имею отношение к указанной публикации и считаю своим долгом объяснить доктору наук Андрееву, что «Кадеш» — произведение обширное, многослойное. Совсем не боясь напечатать финальные главы (о «застое по-польски»), но объем поэмы, сюжетная завершенность центральной ее части (о судьбе «Дома сирот» из варшавского гетто) да и то, что «Семья» — еженедельник Детского фонда, — вот что подсказало редакции эту публи-

кацию (к слову, осуществленную одновременно с первой журнальной). Если Ю. Андреев раздобудет пластинку, подготовленную уличаемой им в «играх с замалчиваниями» Н. Крейтер и выпущенную недавно фирмой «Мелодия», он свободно сможет ознакомиться с полным текстом «Кадеша»... Как сообщает в своей статье главный редактор «Библиотеки поэта», им сейчас подготовлен для большой серии этого популярного издания том «Авторская песня». Противореча самому себе, своему тезису о важности прочтения Галича в полном объеме, Ю. Андреев здесь же рядом прикидывает, что у Галича «лучше» и «должно быть опубликовано с благодарностью к поэту, а что — отсеяно, поставлено «на свои места»... Не странно ли?

М. ПОЗДНЯЕВ,
член редколлегии еженедельника «Семья».

СТРАННЫЙ УПРЕК

Не могу молчать, молчать — значит соглашаться.

Много лет мы спорим с Ю. А. Андреевым о творчестве А. Галича, не находя общего языка, поэтому меня не удивило все негативное, что выплеснул в своей статье Ю. Андреев. Да, он всегда так говорил, он так думал, он так воспитан, он такой есть.

Удивительно другое: откуда вдруг такой елей в конце статьи? Захотелось быть современным? Или как?

И еще. Андреев задает вопрос: «Так где же настоящий Галич — в мажорных комсомольских песнях, в сценариях или в этих одновременно сочиняемых лагерных песнях?»

Но ведь так можно упрекнуть А. Д. Сахарова в создании водородной бомбы; Анну Ахматову — за строчку: «он слышит голос: мы пришли... сказать: где Сталин — там свобода...»; М. Светлова, М. Булгакова и т. д., и т. п.

Вот только что стоит за этими упреками?

И. КАРИМОВ,
зам. председателя Всесоюзного совета КСП.

СКРЫВАЕМЫЕ ЦЕЛИ... ЗАЧЕМ?

Статья вызвала резкое неприятие, хотя с большей частью высказанных в ней мыслей порознь я согласен. Статья прежде всего не понравилась искусственностью проведённого сопоставления при очевидной подчиненности скрываемым целям.

Сопоставление песен Галича и «афганцев» формально оправданно, а по существу совершенно неправомерно. А служит недеklarированной цели — принижения заслуг Галича. Галич силен точностью образов, он художник, отразивший нравы века. Художник. Автор статью наполнил цитатами стихов совершенно бездарных, а из Галича выбрал наименее выразительные строчки, имеющие чисто фельетонную ценность.

Главная претензия — полностью негативное содержание стихов Галича — абсурдна. Ссылка на то, что Галич не оценил космическое первопроектирование СССР, просто анекдотична. Не было и нет на свете сколь угодно тоталитарно-однозначного режима, при котором не происходило бы каких-то позитивных процессов.

Бездарные заказные сценарии Галича, конечно, не кричат. Но о чем автор хотел написать. О слабостях Галича или его стихов?

Я говорил, что почти все написанное верно. Почти все. Верно, что нельзя шарахаться. А симметричны ли размахи? Что за беда, если сейчас сгорят перехвалит хороших и растоптанных в прошлом авторов? Урнов тоже боится, что, не дай бог, перехвалят Пастернака и Бродского.

Е. АЛЕКСАНДРОВ.

ЛЕНИНГРАД.

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ

Спасибо за толковую, честную и мужественную публикацию Ю. Андреева «Феномен публицистической песни» в номере за 19 августа. Согласен с оценкой автора в том, что нынче у нас царит забвение противоречий диалектики, вершат суд плоскостное мышление, односторонние, внеисторические оценки. Увы, подвержены этому и политики, особенно так называемые «парламентарии», и экономисты, и деятели культуры, и историки, которых тоже хотелось бы заключить в кавычки в силу такого противоречия. Автор же чужд поэзы и спекуляций, спокойно пытается увидеть суть в объеме. Сегодня, судя по прессе, модно не сопоставлять и анализировать, а противопоставлять все прежние оценки без разбору новомодным, а чаще под их видом старым — западным, но выдаваемым за плод собственного глубокомыслия. Именно потому прошу передать мою признательность Юрию Андрееву за самостоятельную, аргументированную позицию.

Е. СУХОРУКОВ.

МОСКВА.

НАС УЧИЛО НАШЕ ВРЕМЯ

Сегодня много говорят о плюрализме мнений и не только отдельных авторов, но и целых авторских коллективов. Хотелось думать, что в вашей газете не могут найти места определенного рода авторы, не желающие «поступиться принципами». Вот почему с удивлением прочел в номере от 19 августа статью Ю. Андреева «Феномен публицистической песни». С удивлением, поскольку снова пришлось столкнуться с подобными принципами.

Выхватив четверостишие из Галича, Андреев приходит к выводу: «Для афганца Советская Родина — средоточие смысла их жизни. Для А. Галича — средоточие всех мыслимых и немыслимых нелепостей». Вот так-то!

Много воды утекло за четыре десятилетия, но ничего не могу с собой поделать: прочел и сразу же перед глазами ожил незабвенный облик товарища Жданова, настолько глубоко врезался в память этот знакомый со школьной скамьи безапелляционный стиль сравнения «хороших» и «нехороших» поэтов, художников и т. д. Сам же А. Галич сразу низводится на уровень этакого шутника, для которого главное — это позубоскалить над нелепостями нашей жизни и только. И это избавляет от необходимости видеть, какая великая боль душев-

ная именно за Родину, за надругательство над достоинством ее скрыта в каждой строке его песен. Но, видимо, Ю. Андрееву такая скрытая боль мало что говорит. Ему представляется, что мысли о Родине должны быть не скрытыми, а очевидными, а для этого слово «Родина» непременно должно войти в стихотворный текст.

Ю. Андреева возмущает, что, создавая песни, которые носят «отчетливо антикультурный (?) характер», А. Галич одновременно (подчеркнуто Андреевым) продолжает создавать свои «сладкие, романтические, официально-патриотические произведения». А вот, мол, В. Окуджаве и В. Высоцкому такое раздвоение было, оказывается, чуждо. Я не готов и восприятию подобных сопоставлений, но мне все же кажется, что ни покойный Высоцкий, ни здравствующий Окуджав не пришли бы в восхищение от столь сомнительных комплиментов.

Однако есть у меня вопрос: почему, признавая сегодня всю значимость А. Галича как выдающегося поэта (правда, делает он это своеобразно: немного похвалит, потом лягнет, снова похвалит — снова лягнет...), он, будучи главным редактором «Библиотеки поэта», только теперь решился его издать? И почему в этой же «Библиотеке» многие годы издавалось великое множество произведений поэтов посредственных и просто серых, никакого сравнения с А. Галичем не выдерживающих? Сможет ли ответить Ю. Андреев на этот вопрос с так разгневавшей его прямотой А. Галича: «жить-то ведь надо было?»

З. ФИШЕЛЕВ.

Тульская область.

ПУСТОЕ ЗАНЯТИЕ

Ставить Галичу в вину очерки, которыми он зарабатывал на жизнь, значит, забыть, в какой стране мы жили. Кстати, ничего постыдного в них нет: призыв защищать свою Родину (плохую или хорошую — другой вопрос) не является преступлением (он же не призывал оказывать «интернациональную» помощь! Напротив, не он ли писал: «Граждане, Отечество в опасности! Наши танки на чужой земле!»); фильм «Верные друзья», если не изменяет память (20 лет его не видел), — всего лишь этюд на тему «нехорошо задирать нос» и антигуманного заряда не несет. Собранные Андреевым материалы Галича несколько не компрометируют, перед народом он чист, хотя перед социальной прослойкой «топтунов и холуев с секретаршами», конечно, виноват, да еще как! Пусть тем занятием следует считать и попытки автора статьи низвести творчество Галича до уровня «авторской песни», публицистической его стихи можно назвать с тем же успехом, что и Библию. Они злободневны, как сама нравственность.

Как ни смешно сравнивать с творчеством Галича «авторскую песню», еще менее достойным приемом является подтягивание до ее уровня примитивной афганской лирики. То, что ее создателям было негде учиться, не их вина. Но трудно представить, что редактор «Библиотеки поэта» принимает всерьез безликие вирши, где рифмуются «жили — ходили», «храним — стоим», «в ответе — об этом», где нет ни одного самого тощенького образа. И ставит их практически на одну доску с высочайшей поэзией Галича.

Г. НИКОЛАЕВ,

МОСКВА.